

О. А. ОСИПОВА, А. Ю. ФИЛЬЧЕНКО (Томск)

СЛЕДЫ АКТИВНОЙ ТИПОЛОГИИ В ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА¹

1. Языки активной типологии в исследованиях Г. А. Климова

Исследования Г. А. Климова в области языков активной типологии предоставляют возможность рассматривать многие явления в языках Сибири в совершенно ином ракурсе. Активный строй в общих чертах определяется как «тип языка, структурные компоненты которого ориентированы на передачу не субъектно-объектных отношений, а отношений, существующих между активным и инактивным участником пропозиции. В соответствии с этим глаголы лексикализованы в нем по признаку активности-стативности «действия», а не транзитивности-интранзитивности, а субстантивы разделены на активные (одушевленные) и инактивные (неодушевленные)» (Климов 1977 : 3, 4). Активный строй характеризуется Г. А. Климовым и как совершенно самостоятельная система равноуровневых признаков-координат языка, отличная как от номинативной, так и от эргативной систем.

Современные представители языков активной типологии определенно засвидетельствованы пока лишь на американском континенте — это на-дене, сиу, мускоги и др. (Климов 1977 : 8). В своих работах Г. А. Климов указывает и на такие древние языки, как эламский, хуритско-урартские, типология которых «по крайней мере в своих существенных чертах носила активный облик». Наряду с ныне существующими языками (например, эскимосско-алеутские), несущими в себе черты активной типологии, объектами исследования служат «реконструируемые праязыковые системы (общеиндоевропейская, общекартвельская, общенеисейская и др.), лучше всего укладывающиеся в схему активного строя» (1977 : 9). По мнению авторов данной работы, языки угорской группы, сохранившие наиболее архаичные черты, также могут быть привлечены при описании положений активной типологии, как языки еще в недалеком прошлом имевшие и даже в настоящем сохраняющие контакт с активным строем. Новый под-

¹ В работе использован материал, собранный в рамках проекта 1997 РГНФ № 97-04-18019 «Экспедиция к аборигенам Сибири: сбор, обработка, публикация материала по хантыйскому и селькупскому языкам».

ход Г. А. Климова к языкам, которые в настоящее время характеризуются активной типологией, и богатая иллюстрация самих языковых типов, фактов лексики и морфологии, позволяют объяснить те явления во многих языках Сибири, которые ранее оставались непонятными.

В каждом языке можно найти отдельные явления языков активной структуры. Даже в хорошо изученных индоевропейских языках обнаруживаются следы активной типологии. Например, в английском языке существуют специальные глаголы для обозначения сбора различных объектов: *to gather mushrooms* 'собирать грибы', *to pick flowers* 'собирать цветы'. Вероятно, это «остаточные явления» далекого прошлого индоевропейских языков, когда, возможно, как и в языках активной типологии, существовали различные глаголы для обозначения одного и того же рода деятельности, но по отношению к разным предметам, например в древнеанглийском: *thwean* 'мыть' употреблялся в отношении лица, рук, ног и т.д., в то время как *wascan* 'мыть' использовался лишь для обозначения стирки и купания овец — причем исключительно в настоящем времени (Jespersen 1956 : 50). Чаще всего дифференция проводилась по признаку одушевленности—неодушевленности объекта, ср. англ. *swim* 'плыть', *float* 'нестись по течению' (Климов 1977 : 113—114). Многочисленные параллели этому явлению очевидны в хантыйском языке: *навтылта*² 'плавать (о неодушевленном предмете)'; *лохыта* 'плавать (о человеке)' (ХРСВ 125, 158). В качестве структурной фреквенталии языков активной типологии отмечается и широкое применение разного рода аналогий между животными и растениями (Климов 1977 : 112), многочисленные параллели которой обнаруживаются в хантыйском языке: *кахамта* 1) 'засохнуть (о дереве)', 2) 'посесть (о человеке)' (ХРСВ 102).

Многие лингвисты отмечали, что праиндоевропейское языковое состояние значительно отличалось от древних индоевропейских языков (Гухман 1981 : 201, 202, 207; Савченко 1967 : 74; Тронский 1967а : 81; 1967б : 91—94; Уленбек 1950 : 101—102 и др.). И тот факт, что даже в современных индоевропейских языках обнаруживаются остаточные явления активного строя, говорит о «непосредственной номинативизации последнего» (Климов 1977 : 255). Хантыйский язык будучи одним из сибирских языков агглютинативного строя сохранял гораздо больше черт активной типологии в недалеком прошлом, чем индоевропейские языки. Целью данной работы является показать, какие явления, главным образом в морфологии хантыйского языка, можно отнести к чертам активности.

2. Реликты активной типологии в глагольной лексике хантыйского языка

В лексике и морфологии глагола хантыйских диалектов сохраняется достаточно много явлений, которые можно квалифицировать как активные. По мнению авторов, наибольшая их концентрация обнаруживается в васюганском диалекте. Почему именно морфология дает нам наиболее

² Все примеры даются в транскрипции используемого источника. Собственные полевые записи приведены в финно-угорской транскрипции.

интересный материал, подтверждающий активное прошлое хантыйского языка? На этот вопрос можно ответить словами Г. А. Климова: «Наиболее консервативным с точки зрения реализации контенсивно-типологических изменений уровнем, как об этом свидетельствуют факты и других языковых типов, оказывается морфологический, который многими своими характеристиками способен отражать нормы пережитого состояния даже в то время, когда на более высоких уровнях уже наступила резкая структурная перестройка» (1977 : 172).

Языки активной типологии отличаются чрезвычайно развитым глагольным строем, в пользу чего в васюганском диалекте хантыйского языка свидетельствует хотя бы тот факт, что словарь, составленный непосредственным носителем языка (320 с.), является на 80% глагольным. Хантыйская глагольная система дает богатый материал для иллюстрации, с одной стороны, черт, присущих языкам активной типологии, с другой, продвинутой в отношении перестройки глаголов на транзитивные и интранзитивные.

По мнению Г. А. Климова, глагольная система даже в языках активной типологии перестраивается раньше (1977 : 177—178). В хантыйском языке можно наблюдать употребление значительного количества глагольных пар, различающихся направленностью на одушевленный или неодушевленный объект. Например: *таята* 'иметь; держать (собаку, корову); иметь (жену)' и *ёрмас вылта* 'иметь рубашку'. Следует сказать, что в словаре васюганского диалекта хантыйского языка в большинстве случаев даны одинаковые русские эквиваленты зачастую разных глаголов. Этим случаям уделено особое внимание, и в результате изучения выяснилось, что подобные синонимичные пары не являются подлинными синонимами, ибо значение каждого из глаголов передает свою специфику действия или состояния. Как уже отмечалось, в большинстве своем подобная специфика может быть связана с выражением дихотомии одушевленности / неодушевленности.

В глагольной системе хантыйского языка сохраняется высокая специализация глаголов, относящихся к выполнению конкретного действия с помощью различных орудий, предметов, разными лицами. Действие конкретизируется иногда присоединением к глаголу разных суффиксов: *тинікятэстэ* 'продавать', *тиніхсилтэ* 'продавать навязывая'; *элэнтэ* 'подняться на снегу', *элэхлэнтэ* 'подняться в воздухе', *элэхтэнтэ* 'поднять в лодке', *качалахвахтанта* 'потрещать, (когда идет медведь)', *качахвахтанта* 'потрещать, (когда падает дерево)'.
 Существуют глаголы, передающие действие, для обозначения которого нет эквивалентов в русском языке. Обычно они переводятся описательным путем: *тапыстохалта* 'в пешки играть', *чахныта* 'куском вытирать чашку', *чэдінтэнтэ* 'провалиться в дыру', *лохымта* 'остановиться, плавая', *тоңата* 'издавать звук натянутой струны', *улмытанта* 'видеть сон', *ялэхлэнтэ* 'подуть (о северном ветре)', *чыхынтанта* 'таять на месте (о льде)', *яхчэряхтэ* 'болтаться на суку', *яхтата* 'делаться более людным'.

Целый ряд отглагольных существительных передает конкретные действия, которые переводятся на русский язык описательными средствами: *ёнытанта* 'проводить лето' (досл. 'летовать', ср. ёң 'лето'), *янтанта* 'шивать сухожилиями' (ср. ян 'сухожилие'), *юхынтанта* 'заготавливать дрова' (ср. юх 'дерево, дрова').

В хантыйском языке, кроме крайней специализированности глагольной семантики, наблюдаются и следы перестройки глагольной системы, что также характерно для языков активной типологии (Климов 1977 : 193). В настоящее время в хантыйском отмечается одновременное существование активных / стативных глаголов и значительной части глаголов, перестроившихся по признаку транзитивности / интранзитивности.

В языке выработался формальный критерий транзитивности / интранзитивности: объектное или безобъектное (субъектное) спряжение. Например, вас. *tertə* 'жарить, жариться':

	субъектное спряжение	объектное спряжение
	ед. ч.	ед. ч.
1 л.	<i>terləm</i>	<i>terlim</i>
3 л.	<i>terúal</i>	<i>terlatə</i>
прош. вр.	<i>terás</i>	<i>terśata</i>

Причастие прошедшего времени *terám* 'жарившийся, жаренный' и деепричастие *termin* 'жарившись, жаря' имеют одинаковые формы в обоих спряжениях.

Представляет интерес глагол *təltə* 'тянуть, везти' и 'курить', имеющий формы двух спряжений. Вероятно, это не два разных глагола, они происходят от одного глагола с первоначальным значением 'тянуть'. В значении 'курить' он относится к безобъектному спряжению, т.е. действие совершается субъектом и может интерпретироваться как 'затягиваться', в *təltə* 'тянуть, везти' подразумевается объект. Причастия и деепричастия, образованные от вышеупомянутых глаголов, идентичны: *tələm* 'куривший' и 'тот, которого тянули', *təlmin* 'курив' и 'тянув'.

Глаголов, имеющих формы двух спряжений, достаточно много в ХРСВ: *mitəltə* 'наймусь, найму'; *k'arimtəntə* 'повернуть, повернуться'; *qolantantanta* 'слушать, слушаться' и др.

Разницу в употреблении таких глаголов можно определить только по личным формам. По форме инфинитива разграничения провести невозможно, вероятно, в силу того что инфинитив — более поздняя по сравнению с личными формами (Климов 1977 : 111). Так, глагольные формы в васюганском диалекте *нахралам* 'шишкую', *нахривал* 'шишкует', *нахрыяс* 'шишковал' указывают, что действие выполняется субъектом, 'он шишкует'. Подчеркнем, что инфинитив не позволяет судить о транзитивности или интранзитивности глагола, так как во многих случаях при переводе русский эквивалент не имеет показателя возвратности. Например, *kököraxta* 'ворковать (как косач)': *kököraxləm* 'воркую', *kököraxúal* 'воркует', *kököraxəs* 'ворковал'. В большинстве случаев составитель словаря — носитель языка М. К. Могутаев — приводит русские эквиваленты глаголов субъектного спряжения в возвратной форме: *jəritə* 'маячиться', *vartaxsanta* 'толкаться' и т.д. Стативные глаголы, передающие состояние, не менее характерны для хантыйского языка, например, *чапарсланта* 'быть (стать) мокрым': *чапарслалам* 'мокрый я', *чапарславан* 'мокрый ты', *чапарславал* 'мокрый он'; *тəлкямтə* 'быть, стать зимним'.

3. Остаточные явления выражения одушевленности / неодушевленности

В имени существительном, по-видимому, первоначально существовало разграничение по признаку одушевленности / неодушевленности. В качестве маркера одушевленности, вероятно, выступало самостоятельное имя *қи* 'муж, мужчина, самец', а неодушевленности — *от* 'вещь'. В диалектах хантыйского языка, за исключением васюганского, можно встретить лишь отдельные случаи подобного разграничения. Очень любопытные примеры представлены К. Ф. Карьялайненом, где неживое наделялось маркером *от* безотносительно мужского или женского пола: *surəm-ot* 'умершее существо', о своей матери васюганец говорит: *niṅailəṅ-ot* 'женщина, впустую сходившее существо (моя мать)' (имеется в виду сходящая в нижний мир) (Карьялайнен 1994 : 74).

В хантыйском языке сохранилось одно из наиболее древних противопоставлений имен, близких к противопоставлению человек / нечеловек. А. П. Дульзон считает такое противопоставление древнее (отмечено в чукотско-камчатском), чем оппозиция по признаку одушевленности / неодушевленности (1970 : 32). Подобное деление на человек / нечеловек присуще и другим языкам (Corbett 1991 : 317). Даже в енисейских языках, сохранивших следы активного строя (Вернер 1974), у существительных уже выделяются мужской, женский и вещный род. По мнению И. Г. Вернера, противопоставление живой / неживой предшествовало этому делению, что в какой-то степени отражено в кетском языке (1972 : 14—15), где сохранились специальные маркеры одушевленности (Дульзон 1968 : 70, 605—606; Вернер 1974 : 38, 41; Валл, Вернер 1973 : 29—30; Топоров, Цивьян 1968 : 243—244).

В типологическом плане оппозиция одушевленности / неодушевленности в именных категориях свойственна многим языкам. В индоевропейских языках она предшествовала делению имен по родам (Зюграф 1976 : 59; Мейе 1938 : 345—346; Тронский 1967а : 59—65; Иванов 1963 : 113; Кацнельсон 1972 : 26; Якубинский 1953 : 167—168 и др.).

Выделение специальными маркерами живого и неживого в хантыйском языке чрезвычайно близко к выделению человек / нечеловек. В качестве маркеров выступают самостоятельные слова *ку* (*қи/ху, ко*) 'мужчина, муж, человек' и *от* (*от, ат*) 'вещь' (в зависимости от диалектов). Эти показатели употребляются в качестве, близком к словообразовательным формантам, или же вообще исключаются из употребления как оформители имен. В хантыйско-русском словаре шурышкарских ханты (Скамейко, Сязи 1985) они встречаются крайне редко, например, *мойң ху* 'гость', *пил ху* 'друг'. В ваховском диалекте, по данным Н. И. Терешкина (1961), они тоже встречаются редко и наряду с обозначением человека (главным образом мужского пола), используются для обозначения живого в мире животных, насекомых, растений: например, вах. *јөрәң ку* 'начальник', *қатәң ку* 'домохозяин', *көҗиң пулыты ку* 'стрекоза', *көләккәң ку* 'верба'.

В словаре восточнохантыйских диалектов Н. И. Терешкина (1981) маркеры *ку* и *от* не приводятся с основным словом, т.е. в некотором смысле отделяются от него, претендуя на самостоятельность, что подтверждается и переводом примеров: юг., у.-юг., у.-аг. *та ајтинәр ут*

kənčə jby kil, ət 'я ходил искал дешевую вещь'; тр.-юг. *tôt top əj elməŋkə* 'там лишь один сонный мужик', *atəm kəo*, вах. *awət öyətə kəu* 'жук-стригун'; вас. *brəŋ kəsə ot* 'чужая вещь'.

В некоторых случаях маркер *kəo/kəu* выступает как словообразовательный формант, который пишется слитно с основой: вах., вас. *əjkəu*; аг., тр.-юг. *əjkəo*; юг., у.-юг., у.-аг. *əjkəo* 'юноша, мальчик'; например, вах. *kiriwne əjkəu aməswəl* 'в лодке сидит юноша' (Терешкин 1981). На возможность использования родовых маркеров в качестве словообразовательных формантов указывает и Г. Корбетт (Corbett 1991 : 314).

Наиболее последовательно выделение имен при помощи маркеров одушевленности / неодушевленности наблюдается в васюганском диалекте (по данным ХСРВ и по личным опросам). При помощи *kəu* образуются *nomina agentis*: *pam joxita kəu* 'косарь', *pil kəu* 'товариш', *řarkaxtə kəu* 'бродяга', *ńsari kəu* 'зубоскал', *il kəu* 'внизу живущий человек'. Эти маркеры часто сочетаются с причастными формами, выражая одушевленность / неодушевленность: *nöřoxmiltə kəu* 'бегающий', *nirtə kəu* 'играющий', *naxita kəu* 'шишкующий', *ola tunta kəu* 'извоз выполняющий', *julamtanta kəu* 'останавливающийся', *jutkəntanta kəu* 'покупатель', *jaliltə kəu* 'ходящий', *jaxəntanta kəu* 'гребущий', *ixata ot* 'вещь, которую нужно повесить', *ěvəstə ot* 'сладкий', *tinitə ot* 'продажный', *sarıaxta ot* 'блестящий предмет'.

Кроме причастных форм, основой образований с *kəu* и *ot* могут служить прилагательные, например, *pink'al kəu* 'пеший', *kəolnu ot* 'завтрашний', *təntəx ot* 'близкий', *pintas ot* 'кроткий, любезный', *joŋ ot* 'летний' (ср. *joŋ* 'лето'). Наиболее контрастна оппозиция живого / неживого (или одушевленного / неодушевленного) в тех случаях, когда с одними и теми же именами употребляются разные маркеры: *jam kəu* 'хороший человек' и *jam ot* 'хороший (о вещи)', *itni kəu* 'вечерошний' и *itni ot* 'вечерний' (ср. *it* 'вечер').

Можно выделить также оппозицию имен, соотносимых с мужским и женским полом, подобно тому как это происходит в кетском языке (см. Вернер 1972), но данная оппозиция охватывает не весь строй языка, а лишь ограниченное число лексических пар. Наибольшее количество примеров упомянутого явления встречается в ХСРВ: *яңтəнтəнтə kəu* 'прядильщик' — *яңтəнтəнтə ni* 'прядильщица', *вəстə kəu* 'скакун' — *вəстə ni* 'скакунья', *тул kəu* 'дурак' — *тул ni* 'дура', *тым kəu* 'мужчина с Тыма' — *тым ni* 'женщина с Тыма', *ор kəu* 'сват' — *ор ni* 'сваха', *ямьлəтə kəu* 'хвостун (форсящий)' — *ямьлəтə ni* 'хвостунья' и т.д. По материалам Н. И. Терешкина, в ваховском диалекте зафиксированы единичные примеры: *қатаң kəu* 'домохозяин' — *қатан ni* 'домохозяйка' (1961).

В качестве показателя одушевленности, живого, растущего, молодого организма в ваховском и васюганском диалектах применяется слово *моқ* 'детеныш', которое зачастую присоединяется к основе существительного: *ачмоқ* 'ягненок', *лоумоқ* 'жеребенок' (Терешкин 1961), *тахты моқ* 'куличенок' и т.д. (ХСРВ 1996).

В шурышкарском диалекте этому показателю соответствует *пошəх* / *пошах*, например, *сиськурек пошəх* 'цыпленок', *ап пошах* 'щенок' (Скамейко, Сязи 1985). Однако, говоря о ребенке, васюганец употребляет не *моқ*, а *от*: *өкём от* 'малец, ребенок'. Параллели подобного явления обнаруживаются в древнегерманских языках, где слова, обозна-

чающие ребенка, обычно относились к среднему роду (ср. древнеангл. *cold, bearu*), и в современных германских (ср. англ. *it* (о ребенке), нем. *das Kind*), а также рус. *дитя*.

Судя по данным васюганского диалекта, в настоящее время идет вытеснение слова-маркера *ку* словом-маркером *от*, одинаково относящимся и к деятелю и к вещи, например: *ялхтэ от* 'деятель', *нерях кёри от* 'босяк', *лапы от* 'увалень (медленно делающий)', *дотохта от* 'хлопочущий', *яньчыланта от* 'тыкающий', *яңката от* 'играющий', *шёкёряхтэ от* 'бормочущий' и т.д. (ХРСВ 1996).

При анализе данных разных диалектов хантыйского языка оппозиция «человек (мужчина / женщина) — вещь» наиболее полно представлена в васюганском и ваховском диалектах. Уровень применения ее занимает как бы промежуточное положение между чукотско-камчатским и енисейским противопоставлениями, но безусловно она уже представляет собой не активно действующее языковое средство, а угасающее влияние. Такое выражение родовых отношений, по определению Г. Корбетта, построено на семантической основе. В качестве семантических признаков он выделяет одушевленность / неодушевленность, лицо / не-лицо, мужской / женский и т.п. (Корбетт 1992 : 24—25). Сохранение в хантыйских диалектах специальной маркировки имен живого и неживого классов представляет несомненный интерес, ибо оно свидетельствует о путях формирования представлений ханты об окружающей действительности. Говоря о роде, Г. Корбетт отмечает: «gender always has a semantic core; there are no gender systems in which the genders are purely formal categories» (Corbett 1991 : 307).

В «зеркале» языка отражаются определенные культурные концепции, ключевые понятия культуры реализуются именно в семантических мотивировках, т.е. язык накладывает своеобразный отпечаток на их конструирование. Таким образом, между языком и культурой существуют интенсивные контакты, служащие для взаимного обогащения (Топорова 1994 : 213).

4. Посессивность в глагольной и именной системах

Другой распространенной фреквенталией в области именной лексики, пронизывающей все диалекты хантыйского языка, является употребление посессивных формантов. Г. А. Климов связывает это с позднеактивным состоянием языка, когда стирается оппозиция форм органической и неорганической принадлежности (1977 : 202). Кроме хантыйского, маркеры посессивности в той или иной форме присущи и многим другим финно-угорским языкам. Характерной особенностью данных формантов является их совпадение с показателями лица — или в объектном или в субъектном спряжении. Принято считать, что именные посессивные аффиксы совпадают с аффиксами глагольной парадигмы объектного (или определенно-объектного) спряжения (Иванов 1983 : 40; 1986 : 134), но как свидетельствуют ваховские примеры (см. ниже), эти аффиксы могут совпадать частично с объектным и частично с субъектным спряжением.

Само же существование двух типов спряжения представляет собой, вероятно, отголосок очень древнего явления, которое, видимо, было характерно для общеностратического: «Можно полагать, что общенос-

тратический или один из его диалектов имел, как и современные угорские языки, посессивное (объектное) спряжение, противопоставленное субъектному» (Иванов 1986 : 134). Вяч. Вс. Иванов считает объектное спряжение восходящим к древнему посессивному: «при наличии двух противопоставленных друг другу рядов глагольных форм возможно использование аффиксов, совпадающих с притяжательными морфемами в именных конструкциях, в любом из двух рядов или же в обоих» (Иванов 1986 : 136). Того же мнения придерживается Б. А. Серебренников (1964 : 109): «... личные окончания глагола в уральских языках совпадают с притяжательными суффиксами. Современным финитным формам типа «я плыву», «я рублю» в древности могли соответствовать образования типа «мое плавание», «моя рубка».

Объектное спряжение имеет свою особую структуру: между основной глагола и личными окончаниями инкорпорируется показатель объекта. Однако в таких языках, как самодийские и венгерский, он отсутствует. Личные же окончания в конечном итоге восходят к притяжательным суффиксам (Серебренников 1964 : 116). Л. Хонти склонен считать, что объектное спряжение было характерным для всех лиц уже в уральском праязыке, но его оформление — за исключением 3-го лица единственного числа — после распада претерпело изменения (Хонти 1984 : 342).

Однако структура объектных глагольных форм довольно быстро изменялась, о чем можно судить на примерах прамансийского и прахантыйского периода (Хонти 1984 : 343). Наибольшую вероятность сохранения в уральском языке-основе в объектном спряжении имеет показатель 3-го лица единственного числа, возникший, по мнению Л. Хонти, из анафорического, а не личного местоимения (1984 : 343, 346).

Приведем притяжательные формы существительного *рыт* 'лодка' и формы безобъектного и объектного спряжений, сопоставление выявляет общность происхождения формантов.

<i>мэ рыт-эм</i> 'моя лодка'	<i>мин рыт-эмэн</i> 'наша (двоих) лодка'
<i>нөң рыт-эн</i> 'твоя лодка'	<i>мэң рыт-өү</i> 'наша (многих) лодка'
<i>лөү рыт-эл</i> 'его лодка'	<i>нин рыт-этэн</i> 'ваша (двоих) лодка'
	<i>нэң рыт-этэн</i> 'ваша (многих) лодка'
	<i>лин рыт-этэн</i> 'их (двоих) лодка'
	<i>лөү рыт-этэл</i> 'их (многих) лодка' (Терешкин 1961 : 37)

Настояще-будущее время глагола *пэнта* 'положить'

безобъектное спряжение объектное спряжение (объект ед. ч.)

<i>мэ пэнл-эм</i> 'я кладу'	<i>пэнл-ым</i> 'я положу его'
<i>нөң пэнв-эн</i> 'ты кладешь'	<i>пэнл-ын</i> 'ты положишь его'
<i>лөү пэнв-эл</i> 'он кладет'	<i>пэнл-этэ</i> 'он положит его'
<i>мин пэнл-эмэн</i> 'мы (двое) кладем'	<i>пэнл-ымын</i> 'мы (двое) положим его'
<i>нин пэнл-эмэн</i> 'вы (двое) кладете'	<i>пэнл-этэн</i> 'вы (двое) кладете его'
<i>лин пэнл-эүэн</i> 'они (двое) кладут'	<i>пэнл-этэл</i> 'они (двое) кладут его'
<i>мэң пэнл-өү</i> 'мы (многие) кладем'	<i>пэнл-уү</i> 'мы (многие) кладем его'
<i>нэң пэнл-этэү</i> 'вы (многие) кладете'	<i>пэнл-этэн</i> 'вы (многие) кладете его'
<i>лэү пэнв-элт</i> 'они (многие) кладут'	<i>пэнл-ыл</i> 'они (многие) кладут его'

(Терешкин 1961 : 84, 86)

Ср. также данные ненецкого языка:

<i>lamba-u</i>	'мои лыжи'	<i>mada-u</i>	'я режу'
<i>lamba-r</i>	'твои лыжи'	<i>mada-r</i>	'ты режешь'
<i>lamba-da</i>	'его лыжи'	<i>mada-da</i>	'он режет'

(Bodmer 1944 : 192)

В нганасанском языке при спряжении переходного глагола присоединяется показатель субъектно-объектного спряжения: *конда* "а-ту 'унес-он'; *сыты бан-ту мазэ каяну ичя* 'он собака-его чума около находится' (Терещенко 1979 : 95, 189).

В старинных формах хантыйского языка, в фольклоре, морфологическая разница между именами и глаголами в отношении словообразования и словоизменения весьма незначительна. Остаток этого древнего состояния подтверждает почти полное совпадение лично-притяжательных окончаний имен (оформителей) с личными окончаниями объектного спряжения глагола, например (шурышкарский диалект):

имя существительное	глагол
<i>мунг хоптув</i>	'наши дома'
<i>мунг маттув</i>	'мы даем (их)'

(Животиков 1942 : 41)

Очевидно, что посессивные показатели имеют местоименное происхождение. Однако, как считает Б. А. Серебренников, они не могли развиваться непосредственно из личных окончаний: «Материалы уральских языков наглядно свидетельствуют о том, что отношения принадлежности возникли в результате переосмысления первоначальных пространственных отношений. Это может быть доказано тем, что некоторые притяжательные суффиксы и указательные местоимения содержат одни и те же элементы» (1971 : 279). Далее Б. А. Серебренников рисует картину становления посессивных суффиксов: понятие 'мой' развилось из понятия 'ближе всего ко мне лежащий', понятие 'твой' — из 'лежащий подальше от меня', 'его' — из 'наиболее от меня удаленный'. Следовательно, для выражения отношений подобного рода к существительным присоединились не личные местоимения, а указательные, способные обозначать различную пространственную градацию. Таким образом, по Б. А. Серебренникову, и притяжательные суффиксы и личные местоимения развились на базе указательных местоимений (1971 : 279).

Что же касается совпадения лично-притяжательных именных суффиксов и личных окончаний глагола, то Б. А. Серебренников склонен поддержать гипотезу Б. Коллиндера (Collinder 1965 : 243) о том, что с самого начала финитные формы глагола были именными конструкциями (Серебренников 1964 : 109). По мнению М. Н. Коляденкова, оформление слов местоименными окончаниями произошло в то время, когда имя и глагол еще не различались (1954 : 111). Типологически это же явление Вяч. Вс. Иванов постулирует в отношении индоевропейского праязыка, сравнивая его с втягиванием причастных форм в глагольную систему путем присоединения местоименных (притяжательных) аффиксов в хантыйском языке (в текстах хантыйских народных песен) (1986 : 137—138). До сих пор в хантыйском языке наблюдается легкость образования глагольных форм практически от любого имени, например: *похал* 'пруд' — *похалта* 'прудить'; *сөх* 'коса' — *сөхтэ* 'плести косу'.

К особым чертам уральских языков следует отнести отсутствие морфологических способов выражения отчуждаемой (неорганической) принадлежности (Иванов 1983 : 41). Посессивные же форманты в этих языках, судя по их сочетаемости с определенным кругом существительных, функционируют как суффиксы органической принадлежности в языках активной типологии (ср. группы существительных, приводимые Г. А. Климовым (1977 : 149—150, 153)). В хантыйском языке к существительным, способным принимать посессивные форманты, относятся части тела, номенклатура родства, люди, животные и все живое и растущее; примеры из ХСРВ: *мень* 'сноха': *меням* 'моя сноха', *менян* 'твоя сноха', *менял* 'его сноха' и т.д.; *нэм* 'имя': *нэмям* 'мое имя', *нэмян* 'твое имя', *нэмял* 'его имя'. Н. И. Терешкин обычно для таких существительных приводит форму 1 л. ед. ч., например: *кун* 'песец' (1 л. ед. ч. *кун'эм*); *жоуэн* 'река' (*жоуэнам*); *вэли* 'олень' (*вэлим*); *вэсэу* 'утка' (*вэскэм*); *қар* 'самец, бык, жеребец' (*қурэм*); *ват* 'ветер' (*вутэм*) (Терешкин 1961). Этими же суффиксами оформляются существительные, обозначающие важные для ханты понятия, например *ат'* (1 л. ед. ч. *ут'эм*) 'огород'; *эрэу* (*ирүэм*) 'старинная песнь, былина'; *жоуэл* (*жоулам*) 'охотничий лук' и др. (Терешкин 1961).

Интересно отметить, что информанты-ханты зачастую переводят слова указанных групп сразу с лично-притяжательным суффиксом 1 л. ед. ч., например: *пахым* 'сын (досл. сын мой)', *пялэм* 'ухо (ухо мое)', *солем* 'кишка (кишка моя)', *қонам* 'живот (брюхо мое)'. Во многих случаях в ХСРВ также приводятся существительные данной группы с лично-притяжательным суффиксом в качестве заглавного слова: *иким* — старший брат отца или матери; *эним* — старшая сестра. В предложениях же, как правило, такие имена употребляются с лично-притяжательными суффиксами, например, *оуам кечеки* 'у меня болит голова (досл. голова моя большая/больно)'; *мэ велмэм* 'мои мозги/мозг', *нум кечеки* 'верхний зуб (мой) болит'; в ХСРВ: *турым саяхвал* 'мое горло першит', *турын саяхвал* 'твое горло першит', *турал саяхвал* 'его горло першит'; *семям ахарқамтанта* 'глаза вылупить (досл. мой глаз вылупить)', *семям қонёралтанта* 'мигать (досл. глазом моим мигать)'. Подобное же явление, т.е. отнесение к классу одушевленных, активных денотатов вещей, имеющих большое значение в хозяйственной жизни коллектива, отмечалось в кетском языке Г. К. Вернером и Е. А. Крейновичем (Вернер 1974 : 36; Крейнович 1962 : 114—116; 1968 : 185—194).

Типологически те же классы имен имеют специальную маркировку в виде консонантных основообразующих формантов в древнегерманских языках, которые занимают ту же позицию, что и посессивные форманты в склонениях в уральских языках (Осипова 1980 : 26—27, 34—35, 50—51; 1984 : 43—44; 1988 : 162—163; 1990 : 163—165). Но их посессивная роль в индоевропейских языках значительно ослаблена и зафиксирована лишь в готском как выражение определенности (Осипова 1988б : 59—69; 1990 : 162—163).

Известно, что во многих финно-угорских языках посессивные форманты послужили основой для формирования посессивных, указательных или определенно-притяжательных склонений (Языки народов СССР 1966 : 20—21; Суханова 1962 : 84—85 и др.). Как правило, для выражения более отвлеченного значения — указательности или

определенности — используются показатели посессивности 2-го и 3-го лица единственного числа, как например, в коми-зырянском языке (Лыткин 1966а : 286). В коми-пермяцком в таком случае употребляется форма 3-го лица единственного числа (Лыткин 1966б : 304). В современном коми языке определенно-притяжательный суффикс 3-го лица единственного числа чаще встречается в значении определенности (Суханова 1962 : 87). Это значение коми форманта *-sa* развилось из значения указательности, поскольку он восходит к личному местоимению 3-го лица единственного числа, в свою очередь образованному от указательного местоимения (Суханова 1962 : 84). В самодийских языках также отмечается способность лично-притяжательного суффикса 3-го лица единственного числа выражать значение определенности или указательности (Castrén 1854 : 220; Ким 1980 : 100—104). На артиклевые функции суффикса 3-го лица единственного числа в уральских языках (пермских, марийском) указывал Б. А. Серебренников (1977 : 282).

Одной из особенностей лично-притяжательных суффиксов в хантыйском языке является их присоединение, кроме указанных групп слов, к абстрактным существительным, например: *илим* (1 ед. *илимим*) 'стыд; совесть': *нõң илимим энтим* 'у тебя нет совести (досл. ты совести твоей нет/нету)'; *илт* 'душа': *илтэл мәнәс* '(он) перепугался (досл. душа его ушла)'; *јор* (3 ед. *јурәл*) 'середина, центр' (Терешкин 1961); *камтатал* 'ширина (его)', *қорсал улта* 'тягость (свою / его) увидит'; *мяләтэл* 'глубина (его)'; *ліләл мянәс* 'душа (его) ушла' (ХСРВ). В шурышкарском же диалекте абстрактные существительные зафиксированы в словаре без лично-притяжательных суффиксов, например: *маш / мас* 'каприз'; *лыл* 'дыхание'; *луңтапса* 'чтение, счет'; *лик* 'злость, гнев'; *ай* 'счастье'; *нётанса* 'помощь'; *улапса* 'жизнь' (Скамейко, Сязи 1985). Видимо, оформление абстрактных имен лично-притяжательными суффиксами связано с тем, что понятие 'ширины души' и т.д. для ханты так же неотделимо от чьей-то конкретной души, как и 'голова', 'нога' и другие части тела человека.

В хантыйском языке лично-притяжательные суффиксы иногда выполняют функцию, близкую к определенному артиклю. В беседе с составителем хантыйско-русского словаря М. К. Могутаевым выяснилось, что при употреблении с лично-притяжательным суффиксом слово *тін* 'цена, стоимость' приобретало значение конкретной цены, а без суффикса — неопределенное значение. Подтверждение этому получено от этнографа-ханты А. М. Сязи: с лично-притяжательным суффиксом *қоватал* досл. 'длина его' — это конкретная известная длина, а без суффикса — неизвестная, отдаленная.

На примере абстрактных существительных, которые в хантыйском языке в основном употребляются с лично-притяжательными суффиксами, видно, что восприятие действительности у ханты носит более конкретный характер и связано это с их образом жизни. В отношении языков активного строя М. М. Гухман высказала следующее предположение, которое во многом объясняется восприятием мира ханты: «Вероятно, семантико-синтаксические отношения, характерные для языков номинативного строя, отражают более высокую степень абстракции, но, с другой стороны, в так называемых активных языках

языковое моделирование более прямолинейно и последовательно отражает различия, реально существующие в действительности» (1973 : 357—358).

Следует добавить, что абстрактных существительных в хантыйском и других сибирских языках чрезвычайно мало по сравнению с индоевропейскими языками (Осипова 1995). И это неудивительно, так как «... во многих менее развитых языках еще не выработалась сложная система абстрактных слов» (Будагов 1953 : 23). Как показал материал селькупского, кетского, коттского и хантыйского языков, для передачи абстрактных понятий используются прилагательные, личные формы глагола, описательные средства, целые предложения (Осипова 1995 : 18—21). В ходе полевых исследований на р. Васюган были выявлены чрезвычайно интересные примеры: понятие 'сострадание' было выражено как *sim/səm kečyki* досл. 'сердцу больно'; 'бремя, ноша' — *jaŷer ot tuval* досл. 'тяжелую вещь несет'; 'честность' — *i:m kasy* досл. 'хороший человек'; 'зло' — *ti i:m kasy* досл. 'плохой, нехороший человек'; 'скорбь' — *nytlym* досл. 'скучаю я'. В некоторых случаях переводы были окказиональными, но так или иначе они свидетельствуют об особенностях восприятия мира ханты, например: 'разнообразие' было переведено *erki ul* досл. 'много ягоды'; 'блаженство' — *meteraŷalylym* досл. 'я очень радуюсь'; 'коварство, лукавство' — *solovel* досл. 'обманывает, врет'; 'чистота' — *katl imaki* досл. 'в избе чисто/хорошо'; 'ужас' — *nyrnyŷ* досл. 'боюсь я' или *komtysym* досл. 'напугался я'; 'голод' — *intə koilem* досл. 'есть хочу'; 'жажда' — *tur tenvel* досл. 'горло сохнет'; 'болезнь' — *kaŷval* досл. 'болеет'; 'волшебство' — *juvel* досл. 'ворожит, колдует' и т.д. Недостаток абстрактных существительных в хантыйском языке, возможно, вызван тем, что хозяйственная и культурная жизнь ханты как бы перешла из одного временного измерения в другое, не успев адаптироваться к новым направлениям социального развития, и язык не сумел выработать собственные средства выражения для абстрактных понятий, но это не должно обозначать, по мнению Г. А. Климова, что носители подобных языков не способны к абстрактному мышлению (1977 : 301). Относя это высказывание к языкам активной типологии, Г. А. Климов считает, что «...следует воздержаться от предположения, что говорящие на языках активной типологии выражают свои мысли менее адекватно, чем носители номинативных и эргативных языков» (1977 : 302).

5. Именные склонения и использование косвенных падежей для оформления агенса

Как и в большинстве языков номинативного строя (особенно древних), в хантыйском имеется богатая система склонения — от 7 до 11 падежей (Karjalainen 1964 : 1, 30, 44, 63, 65, 102, 149, 207, 299, 308, 330). К сожалению, до сих пор многие хантыйские диалекты ждут подробного описания. По данным К. Ф. Карьялайнена, большинство падежей имеет локативный характер, а т. н. позиционные падежи еще полностью не сложились. Однако в некоторых диалектах (судя по грамматическим заметкам К. Ф. Карьялайнена), кроме номинатива, есть аккузатив (нижнедемьянский и васюганский диалекты), генитив

и аккузатив (шингальский, верхнедземьянский, красноярский), но все они в виде чистой основы (Karjalainen 1964). Следовательно, противопоставление идет по линии прямого падежа и косвенных падежей, образованных из послелогов (Серебренников 1965 : 21; Майтинская 1969 : 139).

О степени различий в склонении имен, по мнению П. Хайду, свидетельствует тот факт, что северные диалекты имеют всего два падежных окончания (Хайду 1985 : 47—48) (локативное и лативное), тогда как южные (тромьюганский), помимо этого, имеют инструменталь (-*at-*), а восточные — аблатив (-*i-*; вас. -*ow*; вах. -*oγ*), транслатив (-*γə*; вас. -*əγ*) и комитатив (вас. -*na*, вах. -*nat*), а также еще одну-две морфемы, находящиеся на пути превращения в падежные окончания. Диалектам со сравнительно бедной падежной системой свойственны такие явления, как, например, наличие функции инструментала у локатива на -*i* и применение послелогов для выражения специфических отношений (Хайду 1985 : 48). Логично в связи с этим предположить, что первоначально номинатив не мог быть активным падежом, ибо не был маркирован. Он, по-видимому, употреблялся наподобие пассивного падежа в эргативных языках (Быховская 1930 : 285; 1934 : 55—59).

Для языков с эргативной конструкцией предложения характерен прямой падеж как логический выразитель объекта действия, а специальный эргативный падеж или один из косвенных падежей служит для оформления логического объекта. Это подтверждается данными многих языков (Сахокия 1974 : 8, 12—13; Мещанинов 1964 : 14—15; 1967 : 214—218; Абдуллаев 1967 : 191—193; Климов 1973 : 190, 260; Гецадзе 1967 : 159; Володин 1967 : 241—242 и др.). Следует обратить особое внимание на то, что в языках, для которых эргативная конструкция предложения не органична, роль, близкую к эргативу, могут выполнять косвенные падежи, например, детально-местный в тунгусо-маньчжурских языках (Цинциус 1967 : 287). А. Н. Савченко отмечает, что в таких языках, как аранта (которые в настоящее время относятся к языкам активной типологии), косвенные объекты понимались как активные (1967 : 83).

Следовательно, в качестве активного падежа в хантыйском мог выступать один из косвенных, маркированных падежей. Такая вероятность существует, поскольку Н. И. Терешкин указывает, что в хантыйском языке дательный падеж мог употребляться для обозначения лица, от которого исходит действие (1961 : 46). Ю. Н. Русская отмечает употребление существительного в косвенном падеже в качестве субъекта действия в приуральском говоре хантыйского языка (1962 : 261).

А. Н. Баландин пишет: «творительно-совместный падеж в значении падежа реального субъекта осознается современными ваховскими ханты как активный падеж действующего лица. Поэтому предложение *нинэ пуг сил'э рэкэтэ* самими ханты переводится не 'женщиной котел отброшен', а как 'женщина котел отбросила'» (1948 : 311). Кроме ваховского диалекта, А. Н. Баландин отмечает подобное оформление субъекта — творительно-совместным падежом — и в сургутском диалекте (1948 : 311).

6. Несформированность прилагательного как одна из характерных черт языков активной типологии

Наряду с лексикализованностью существительного и глагола, характерными чертами языков активной типологии является не вполне сформированное как часть речи прилагательное (Климов 1977 : 82).

На это указывал, в частности, П. К. Животиков, утверждая, что категория имен прилагательных в хантыйском языке морфологически характеризуется нечетко. Это выражается в «отсутствии склонения, почти полном отсутствии морфологически выраженных степеней сравнения, наличием большой группы логических, морфологически неформленных прилагательных» (Животиков 1942 : 61). Процесс выделения и оформления прилагательных в самостоятельную грамматическую категорию происходит на наших глазах.

Имена прилагательные можно разделить на две группы: 1) прилагательные, выраженные основным падежом существительного, выступающего в роли определения (шурышкарский): *вош хот* 'городской дом' (ср. *вош* 'город'), *унт ёх* 'лесные люди' (*унт* 'лес'); 2) слова, обозначающие самостоятельно какие-либо признаки предметов: *уны* (*ун*) 'большой', *вась* 'тонкий'; к этой группе относятся прилагательные на *-ынг*: *маркынг* 'крылатый' (ср. *марк* 'крыло'), *тасынг* 'богатый' (*тась* 'товар') (Животиков 1942 : 61).

В васюганском диалекте чаще всего в роли определения выступают существительные в различных падежах (примеры из ХСРВ):

а) существительное в основном падеже: *эмп сеха* 'собачья упряжь' (ср. *эмп* 'собака'); *эчэх қотал* 'морозный день' (*эчэх* 'мороз'); *вах кёр* 'железная печка' (*вах* 'железо'); *ёй қырақ* 'желчный пузырь' (*ёй* 'желчь'), *кэрток пахрын* 'картофельная ботва' (*кэрток* 'картофель'); *кэряс тонтах* 'твердая ломкая береста' (*кэряс* 'сказочная птица с железным клювом'); *кёй пам* 'болотная трава' (*кёй* 'болото');

б) существительное в комитативно-инструментальном падеже (суффикс *-аң, -яң, -ың*): *аңтаң* 'ребристый (с ребром)', *кэдэчин* 'с калачом', *вентаң* 'поясничный', *воляң* 'жирный', *вонтаң* 'таежный', *ихкяң* 'медвежий', *кёяң* 'болотистый', *кёряң* 'ногастый (с ногами)';

в) существительное в каритиве, транслативе или отложительно-продольном падеже (часто со значением отсутствия, недостатка признака) (суффикс *-ак, -эқ; -ах, -эх; -ау, -эу*): *аңалах* 'комолый', *валак* 'косой', *кярчэх* 'резкий, грубый', *карах қат* 'пустой дом', *қонкартах* 'сухой, грубый', *рётэх* 'бодрый, резвый'.

Часто встречаются образования, условно называемые нами прилагательными, построенные с помощью показателя неодушевленности *от*. Обращает на себя внимание частотность употребления этой конструкции со словами, обозначающими время суток, сезон и т.п.: *ёңы от* 'летний' (*ёң* 'лето'), *итни от* 'вечерний', *қолңы от* 'завтрашний' (*қолтаң* 'завтра'), *қотал педки от* 'полуденный' (*қотал педак* 'полдень'), *малахалы от* 'вчерашний' (*малахал* 'вчера'), *қат охты от* 'потолочный' (*қат охты* 'потолок'), *ліста от* 'похожий'.

Незавершенность формирования прилагательного хорошо иллюстрируется тем обстоятельством, что, выделяясь семантически и отчасти синтаксически, последнее еще не обладает своей морфологией и по

существу не имеет своих словообразовательных характеристик, что типично для языков активной типологии (Климов 1977 : 83).

С несформированностью в активных языках имени прилагательного связана и следующая черта: фактически повсеместное атрибутивное употребление субстантивов с соответствующей ассоциативной семантикой (Климов 1977 : 107). Так, описывая ирокезский язык — сенека — Н. Хольмер пишет, что здесь «прилагательное» часто не отличается от имени: *kanguu* 'дикий зверь' и 'дикий' (*u'sun kanguu* 'дикий индюк') (Holmer 1952 : 28). Аналогична ситуация в хантыйском языке (по крайней мере по материалам васюганского, ваховского, приуральского диалектов): *нюр* 'кожа; голый', *кёх* 'камень; каменный, твердый', *вах* 'железо; железный, твердый', *кёрэс* 'сказочная птица с железным клювом; железо; железный, острый, твердый, грубый, ломкий', *нёх(в)и* 'свет, огонь; белый' и т.д. То же явление отмечается В. Штайницем, «прилагательное в хантыйском языке по сути не сложилось в четко отграничиваемую самостоятельную часть речи, одно и то же слово может использоваться и в качестве того, что в нашем понимании представляет собой прилагательное, так и как существительное, например: *пхивэ* 'белый, светлый; свет, огонь'; *атэм* 'плохой; плохой человек, подлец'. Во флексии прилагательное и существительное не дифференцируются. Итак, можно сказать, что морфологическая категория прилагательного (преимущественно существительные в функции определения) находится в зачаточном состоянии.» (Steinitz 1950 : 48, перевод авторов).

Если, как отмечал Г. А. Климов (1977 : 106), в соответствии со сложившейся отечественной традицией определять части речи как морфологизованные части предложения, то говорить о сформированности здесь класса имен прилагательных было бы преждевременным. В пользу подобной точки зрения может свидетельствовать и обычное для хантыйского языка отсутствие каких-либо словообразовательных аффиксов, свойственных только прилагательному. Исключение составляет точка зрения Н. И. Терешкина, который выделяет следующие группы словообразовательных форм прилагательных:

1) прилагательные, образованные с помощью суффикса *-эң* и обозначающие признак предмета, который в нем (в предмете) содержится или так или иначе наличествует. Прилагательные эти образуются большей частью от существительных: *н'оуың* 'упитанный' (*н'оуы* 'мясо'), *нэмсэң* 'умный' (*нэмэс* 'ум, память') и т.д., и лишь в небольшом количестве — от глаголов;

2) прилагательные, образованные с помощью суффикса *-лэу* и обозначающие признак, которым предмет не обладает или которого он лишен. Эти прилагательные также образуются главным образом от существительных и лишь в редких случаях от глаголов: *сэлналэу* 'несоленый, пресный' (*сэлнэ* 'соль'), *н'оуылэу* 'тощий' (*н'оуы* 'мясо'), *нэмлэу* 'безымянный' (*нэм* 'имя'), *кёрлэу* 'хромой' (*кёрл* 'нога'), *лэмлэу* 'нагой, голый' (*лэмэлта* 'одеть, надеть') и т.д. (Терешкин 1961 : 56—57).

Однако, по нашему мнению, все упомянутые примеры с не меньшей вероятностью могут интерпретироваться как 1) существительное в комитативно-инструментальном падеже (суффикс *-аң, -яң, -ың*): *аңтаң* 'ребристый (с ребром)', *кэлэчиң* 'с калачом', *вояң* 'жирный',

кёңтәң 'ногтистый (с ногтями)'; 2) существительное в каритиве, транслативе или отложительно-продольном падеже (часто в значении отсутствия, недостатка чего-то) (суффикс *-ақ, -әк; -ах, -әх; -ау, -әу*): *аңалах* 'комольный', *валақ* 'косой', *кярчәх* 'резкий, грубый', *қарах қат* 'пустой дом', *қонқартах* 'сухой, грубый' и т.д.

Противоречивые мнения относительно статуса имени прилагательного в хантыйском языке служат отражением существующего положения вещей. Будучи по существу еще не вполне сформировавшимся, прилагательное, несомненно, переживает этап своего интенсивного становления.

7. Выводы

Подводя итог, отметим, что черты языков активной типологии в значительной мере проявляются и в настоящее время в диалектах хантыйского языка. В глагольной системе — это прежде всего чрезвычайная лексическая специализация, наличие определенных глаголов для обозначения действия, совершаемого одушевленным или неодушевленным денотатом; существование субъектного и объектного спряжения; существование активного и стивного глаголов с параллельной перестройкой глагольной системы по признаку транзитивности / интранзитивности.

В именной морфологии еще наличествуют остаточные явления выражения одушевленности / неодушевленности посредством специальных маркеров-слов со значением 'человек' и 'вещь'. Роль посесивных формантов в хантыйском языке можно приравнять к действию суффиксов органической принадлежности в языках активной типологии. Специфика выражения абстрактных понятий связана с более конкретным восприятием мира ханты. Имя прилагательное находится на пути формирования.

Существование хантыйского языка в непосредственном соседстве с языками номинативного строя — русским и тюркскими — оказывает постоянное влияние на его номинативизацию, утрату собственной лексики и замену ее русскими заимствованиями, утрату собственных разговорных навыков, особенно в районах смешанного проживания хантыйского и русского населения и при отсутствии национальных школ. Поэтому безотлагательной задачей лингвистов является фиксация того, что осталось от отдельных диалектов хантыйского языка.

Сокращения

Названия говоров хантыйского языка: *вас.* — васюганский, *вах.* — ваховский, *тр.-юг.* — тромьюганский, *у.-аг.* — усть-аганский, *юг.* — юганский, *у.-юг.* — усть-юганский.

ХРСВ — Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект), Томск 1996.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев З. Г. 1967, Эргативная конструкция предложения в горских письменных языках Дагестана. — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Ленинград.

- Б а л а н д и н А. Н. 1948, Падежи субъекта и объекта на службе номинативной и эргативной конструкций глагольного предложения в ваховском диалекте хантыйского языка. — Ученые Записки. Серия востоковедческих наук, вып. 2, Ленинград.
- Б у д а г о в Р. А. 1953, Очерки по языкознанию, Москва.
- Б ы х о в с к а я С. Л. 1930, К вопросу о происхождении склонения. — Известия АН СССР. Отдел гуманитарных наук, 7 серия, № 4, Ленинград.
- 1934, «Пассивная» конструкция в яфетических языках. — Язык и мышление, Ленинград.
- В а л л М. Н., В е р н е р Г. К. 1973, Об истоках падежной системы в енисейских языках. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков, Томск.
- В е р н е р Г. К. 1974, Реликтовые признаки активного строя в кетском языке. — ВЯ, № 1, 34—45.
- 1969, Вопросы именной классификации в современных енисейских диалектах. — Вопросы филологии, Омск.
- В е р н е р И. Г. 1972, Категория рода в кетском языке. Автореф. канд. дисс., Томск.
- В о л о д и н А. П. 1967, Эргативная конструкция в ительменском языке. — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Ленинград.
- Г е ц а д з е И. О. 1967, К истории формирования эргативной конструкции в абхазском языке. — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Ленинград.
- Г у х м а н М. М. 1973, К вопросу о взаимоотношении языка и мышления. — Известия АН СССР, ОЛЯ, № 4.
- 1981, Историческая типология и проблема диахронических констант, Москва.
- Д у л ь з о н А. П. 1968, Кетский язык, Томск.
- 1970, Енисейско-чукотско-корякские языковые связи в области спряжения. — Ученые Записки, вып. 24, Кемерово.
- З о г р а ф Г. А. 1976, Морфологический строй новых индо-арийских языков, Москва.
- Ж и в о т и к о в П. К. 1942, Очерк грамматики хантыйского языка, Ханты-Мансийск.
- И в а н о в Вяч. Вс. 1983, Заметки по категории притяжательности. — Категория притяжательности в славянских и балканских языках, Москва, 40—53.
- 1986, Типология посессивного спряжения и посессивного типа конструкции. — Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категории посессивности, Москва, 132—142.
- К а р ь я л а й н е н К. Ф. 1994, Религия югорских народов, том 1, Томск.
- К а ц н е л ь с о н С. Д. 1972, Типология языка и речевое мышление, Ленинград.
- К и м А. А. 1980, О связи категории притяжательности и категории определенности в селькупском языке. — Языки и топонимия, Томск.
- К л и м о в Г. А. 1973, Очерк общей теории эргативности, Москва.
- 1977, Типология языков активного строя, Москва.
- К о л ь д е н к о в Н. М. 1954, Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков, ч. 2. Синтаксис, Саранск.
- К о р б е т т Г. Г. 1992, Типология родовых систем. — ВЯ, № 3, 21—30.
- К р е й н о в и ч Е. А. 1961, Именные классы и грамматические средства их выражения в кетском языке. — ВЯ, № 2, 101—116.
- 1968, О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка. — Кетский сборник. Лингвистика, Москва, 139—195.
- Л ы т к и н В. И. 1966а, Коми-зырянский язык. — Языки народов СССР, Москва, 281—299.
- 1966б, Коми-пермяцкий язык. — Языки народов СССР, Москва, 300—315.
- М а й т и н с к а я К. Е. 1969, Местоимения в языках различных систем, Москва.
- М е й е А. 1938, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, Москва—Ленинград.

О. А. Осипова, А. Ю. Фильченко

- Мещанинов И. И. 1964, Основные грамматические формы эргативного строя предложения. — ВЯ, № 5, 3—15.
— 1967, Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Ленинград.
- Осипова О. А. 1980, Отражение категории одушевленности / неодушевленности в парадигме склонения в древнегерманских языках (на материале готского языка), Томск.
— 1988а, Общие следы активной структуры в склонении существительных в уральских, енисейских и индоевропейских языках. — СФУ XIV 161—167.
— 1988б, О двойственной природе индоевропейских основообразующих формантов. — Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках, Томск.
— 1990, Функциональная вариативность древнегерманских консонантных основообразующих формантов. — Языки мира. Проблемы языковой вариативности, Москва, 153—171.
— 1995, К вопросу о выражении абстрактных понятий в языках Сибири. — Аборигены Сибири. Проблемы изучения исчезающих языков и культур, Новосибирск.
- Русская О. Н. 1962, О некоторых особенностях падежной системы приуральского говора хантыйского языка. — Вопросы финно-угорского языкознания. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха, Москва—Ленинград, 257—264.
- Савченко А. Н. 1967, Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском. — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Ленинград.
- Сахокия М. М. 1974, Сопоставительный анализ форм посессивности и переходности в древнеперсидском, древнеармянском и древнегрузинском языках. Автореф. канд. дисс., Тбилиси.
- Серебренников Б. А. 1964, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, Москва.
— 1965, О некоторых приемах восстановления архаических черт грамматического строя языков. — ВЯ, № 4, 20—31.
— 1971, К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках. — Фонетика. Фонология. Грамматика (К семидесятилетию А. А. Реформатского), Москва, 277—282.
- Скамейко Р. Р., Сязи З. И. 1985, Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский, Ленинград.
- Суханова В. С. 1962, О семантике притяжательного суффикса 3 лица единственного числа в пермских языках. — Лингвистический сборник, вып. 1, Петрозаводск, 80—89.
- Терешкин Н. И. 1961, Очерки диалектов хантыйского языка, ч. 1, Ленинград.
— 1981, Словарь восточно-хантыйских диалектов, Ленинград.
- Терещенко Н. М. 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
- Топоров В. Н., Цивьян Т. В. 1968, Об изучении имени в кетском языке (некоторые результаты и перспективы). — Кетский сборник. Лингвистика, Москва, 221—246.
- Топорова Т. В. 1994, Отражение архетипов начала и конца в древнегерманской культурной традиции. — Литературный язык и культурная традиция, Москва.
- Тронский И. М. 1967а, Общеευропейское языковое состояние, Ленинград.
— 1967б, О доминативном прошлом индоевропейских языков. — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Ленинград.
- Уленбек Х. К. 1950, Agens и ratiens в падежной системе индоевропейских языков. — Эргативная конструкция предложения, Москва, 101—102.
- Хайду П. 1985, Уральские языки и народы, Москва.
- Хонти Л. 1984, К проблеме возникновения объектного спряжения угорских языков. — NyK. Tractationes Participantium Hungarum Sectionum Linguisticarum Congressus VI Internationalis Fenno-Ugristarum, Budapest, 314—346.

- Ц и н ц и у с В. И. 1967, Неноминативное падежное оформление субъекта действия в пассивных и безличных конструкциях тунгусо-маньчжурских языков. — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Ленинград.
- Я к у б и н с к и й Л. П. 1953, История древнерусского языка, Москва.
- В о д м е р, F. 1944, *The Loom of Language*, New York.
- С а с т р е н, M. A. 1854, *Grammatik der samojedischen Sprachen*, St. Petersburg.
- С о л л и н д е р, B. 1965, *Introduction to the Uralic Languages*.
- С о р б е т т, G. G. 1991, *Gender*, Cambridge University Press.
- Ж е с п е р с о н, O. 1956, *Growth and Structure of the English Language*, Oxford.
- Н о л м е р, N. 1952, *The Seneca Language*, Copenhagen.
- К а р ж а л а и н е н, K. F. 1964, *Grammatische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten*, Helsinki.
- С т е и н и т з, W. 1950, *Ostjakische Grammatik und Chrestomatie*, Leipzig.

O. A. OSIPOVA, A. J. FILČENKO (Tomsk)

RELICTS OF ACTIVE TYPOLOGY IN THE DIALECTS OF THE KHANTY LANGUAGE

The objective of the article is to expose the relicts of active typology the language structure has preserved in the Khanty language. In the verb system a very interesting correlation between actions referring to animate and inanimate things can be observed. In general, verbs are highly specialised, particularly those reflecting everyday activities in the life of the Khanty. The existence of the two-fold conjugation (subjective and objective) of one and the same verb, as well as the personal endings for both conjugations coinciding with the endings of the possessive substantival declension testify strongly for conservatism in the Khanty.

Although the Khanty language does not preserve the dichotomy of the forms of alienable and inalienable possession, the possessive markers are joined to such classes of substantives which are characterised as active agents. The other dichotomy concerns the correlation between active (animate) and inactive (inanimate) nouns which is expressed by the wordmarkers *ку-* 'man/animate' and *от-* 'thing/inanimate' used with substantives.

In some dialects the noun in the dative or dative-locative serves to indicate an active doer of the action closely resembling the ergative construction. These are evidently the remains of former broader usage because the case system in the majority of dialects shows frequent correlation between the nominative, sometimes the accusative and the genitive cases, not marked by any endings, and the rest of the oblique cases which, on the contrary, are marked.

The abstract notions are expressed more often through concrete words (adjectives, finite and non-finite verbal forms, and descriptive sentences), abstract nouns being developed poorly. But they are regularly used with the possessive marker expressing definiteness.

The process of formation of adjectives is still in rudimentary state: nouns and adjectives are faintly differentiated, the suffixes being formed from certain substantive case forms. A notable phenomenon is the incorporation of the word *от* 'thing' for expressions denoting periods of time in the adjectival system. The problem needs further investigation because the Khanty language is not fully described yet.